

Джек Хартнелл

ГОЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ
И ИСКУССТВО
В СРЕДНИЕ ВЕКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 930.85“04/14”

ББК 63.3(0)-7

X 22

Печатается с разрешения издательства *Profile Books*
и литературного агентства *Andrew Nurnberg Associates*

Хартнелл, Джек.

X 22   Голое Средневековье. Жизнь, смерть и искусство в Средние века /
Джек Хартнелл ; пер. с англ. А. Н. Мурашова. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 320 с. : ил., 90. — (История и наука Рунета).

ISBN 978-5-17-111220-2

Понятие телесности в Средние века — предмет удивительный и во многом для нас необычный. Что люди думали о жизни и смерти своей оболочки — и как они ее изображали? Ответ на этот нетривиальный вопрос ждет вас на страницах этой глубокой и увлекательной книги, богато и ярко иллюстрированной.

Как средневековый человек представлял, что у него внутри? Какое тело казалось ему красивым? Стыдился ли он своей наготы? «Голое Средневековье» дает читателю уникальную возможность проникнуть в мысли людей, живших несколько столетий назад, и взглянуть на человеческое тело их глазами.

Джек Хартнелл — английский историк искусств, писатель, исследует визуальную культуру и историю медицины. В этой книге он рассказывает о жизни и смерти в Средние века для самого широкого читателя. В лучших традициях «Страдающего Средневековья»!

УДК 930.85“04/14”

ББК 63.3(0)-7

ISBN 978-5-17-111220-2

© Jack Hartnell, 2018

© Мурашов А. Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Содержание

Средневековые тела	5
Где начало?	10
Мы — тысячу лет назад	14
Насмешки и отвращение	18
Лекари и истории	23
Народы и фольклор	29
По ту сторону слов	34
Голова	37
Мозг	41
Сумасшествие и облысение	46
Обезглавливание	53
Святая голова	57
Органы чувств	63
Увидеть зрение	66
Принюхаться к прошлому	70
Наострить уши	76
Рот, язык и зубы	84
Кожа	93
Внешние качества	101
Цветовая коллизия	103
Слова на коже	108
Вторая кожа	113
Кости	120
Место для костей	125
Камни над костями	132
Работа с костями	138
Сердце	144
Врачевание сердца	146
От всего сердца	149
Взгляд на любовь	157
Кровь	170
Плохая кровь	174
Хорошая кровь	179
Живая кровь	184
Штопальчики	187

Руки	193
Что касается прикосновения.	196
Применения рук	202
Знаками и рукопожатиями	206
Живот	214
Пир и пост.	219
Кишки	226
Анальные искусства.	231
Гениталии	237
Женские секреты	242
Второй пол	251
Сексуальность и древо пенисов.	257
Гадание по моче	263
Ноги	268
Коготь дьявола и босые ноги	274
На коне, на корабле, на своих двоих	280
Ноги в разных направлениях.	288
Будущее тел	296
Благодарности	303

Средневековые тела

В 2003 году парижский торговец продал за неразглашаемую сумму частному коллекционеру из Канады мумифицированную человеческую голову. В самой такой сделке нет ничего необыкновенного. Человеческие останки, как и всякие иные ценные предметы старины, гуляют по международным рынкам как медицинские курьезы или дорогостоящие раритеты. Но этот предмет, вернее, это тело вызвало особый интерес.

И в самом деле, голова производит сильное впечатление. Застывшая в трупном окоченении, она откинута назад относительно линии обрезанных плеч, горло выпячено, рот приоткрыт. Широкая трещина спускается от середины лба, а если повернуть голову затылком, видно, что, когда останки были извлечены из земли, череп удерживался в целом состоянии обручем. Макушка снята, как крышка с коробки печенья, мозг удален, осталось только его сморщенное основание и ровный обрубок спинного хребта.

Группа французских палеопатологов получила разрешение детально изучить останки, чтобы разузнать побольше о таинственной реликвии. Были задействованы инновационные медицинско-археологические техники, и начали появляться разнообразные сведения о покойном. Исследователи установили, что это белый мужчина, которому было, вероятно, около сорока пяти лет в момент смерти. По коротким рыжим волоскам на подбородке и верхней губе можно предположить, что у него были каштановые волосы. Несколько анализов подтвердили: голову и плечи предохранили от разложения с помощью быстро застывающей смеси на основе ртути, введенной в главные артерии вскоре после смерти, — процедура позволила

Рис. 1. Голова и плечи трупа, проданного на антикварном рынке в 2003 г.

закрепить положение головы, как в скульптурном слепке. Самое интригующее — согласно данным радиоуглеродного анализа, мужчина жил где-то между 1200 и 1280 годами. Тело оказалось средневековым.

Для историков вроде меня подобные находки предоставляют заманчивую возможность заглянуть в прошлое непосредственно, а не благодаря научному исследованию лишь безжизненных костей. Мы знаем пол этого человека, его возраст, даже цвет волос — и у нас живо возникают все новые настойчивые вопросы: кто он? откуда? какова история его жизни? Некий импульс из прошлого, заставляющий глубже всматриваться в то, что мы знаем о времени, когда он жил. Изучение средневековых останков особенно важно сейчас, поскольку эта эпоха по-прежнему понимается неверно. Столетия, зажатые, как в сэндвиче, между веками древнегреческого или римского красноречия и возрожденным классическим миром европейского Ренессанса, кажутся статичным, изолированным периодом. Такой смысл имеют названия, данные ему: «темные века», «средние», от латинского *medium aevum* (средний период). Время определено извне, событиями, происходившими до или после него, определено через то, чем оно не было. И когда мы имеем дело со средневековыми памятниками — будь это тела или стихи, живопись или хроники, мы выделяем именно отрицательные характеристики. Мы вплетаем артефакты в ткань завещанного нам, скептического и достаточно мрачного исторического повествования о неприятном моменте в прошлом, когда легко было закончить жизнь с разбитой головой и ртутно-восковой смесью в крови.

Опрос посетителей, недавно проведенный одним крупным лондонским музеем, где планировали переделать залы, посвященные Средним векам и Ренессансу, ясно показал распространенность такого представления. Для опроса воспользовались обычным срезом публики, посетителям предлагали представить себя в каждой из двух эпох, сначала в эпохе Возрождения, а затем в Средневековье.

Каждый респондент должен был сказать, что, как ему кажется, он может увидеть и ощутить в мире вокруг себя. В ответах относительно Ренессанса, дословно записанных, царит изобилие. Похоже, опрашиваемые испытывали искреннее удовольствие, были преисполнены радостным изумлением. «Я во Флоренции, иду в полдень вдоль реки. Мне спокойно, я улыбаюсь. Я модель скульптора, и он ваяет Мадонну с младенцем». Или: «Сияет солнце, тут лужайка и небольшое озеро. Философия, вокруг сидят люди и разговаривают о политике, книгах. Музыка... Я хочу остановиться и помечтать».

Звучит очень мило. Однако когда те же респонденты воображали средневековый мир, все мгновенно менялось в худшую сторону: «Тут солдаты, крестьяне, замки, грязные низины... Повсюду «черная смерть», или чума. Идет дождь. На лугу пьяные люди, они дерутся. Художников не уважают»; «Я в подземелье, тащу мешок картошки, ночью. Здесь холодно и крысы. Зарешеченные окна на уровне пола. Я ворую несколько картофелин для своего новорожденного ребенка».

Таков стереотип, с которым часто сталкиваешься: примерно с IV века по XVI большинство жило бы в реальности с вариациями от «Храброго сердца» до «Черной гадюки», в мире общих нищеты, невежества, жалкого убожества, и лишь для того, чтобы воевать среди фантастического мрака. Бесплезная тысяча лет или около того. По меньшей мере, одного из опрошенных в музее посетителей этот расхожий взгляд на Средние века привел к искажению исторической последовательности. Воображаемый украденный картофель — конечно, не пышный и сочный жареный, а сырой, твердый и холодный — на самом деле попал в Европу из Америки в 1570-х годах, уже намного позже того, как рассеялась мгла «Темных веков».

Кто или что несет ответственность за эту картину, не вполне ясно. До известной степени, заниженная оценка прошлого является естественным следствием того, как нам нравится думать о нашем собственном времени. Чтобы выглядеть

просвещенными и современными, нам нужен контрастный фон темного невежественного прошлого. Тут, несомненно, поп-культура взялась за дело с таким ее романтизированным персонажем, как диснеевская принцесса, безжалостно заточенная в старом замке, или с гнетущим насилием пикантных сериалов в духе «Игры престолов». Неслучайно у Квентина Тарантино в культовом фильме 1994 года «Криминальное чтиво» персонаж Винга Реймза Марселлус, готовясь обрушить кровавую месть на человека, удерживавшего его как пленника, ядовито бросает своей несчастной жертве: «Я поступлю с твоей задницей по-средневековому». Итак, образ эпохи служит и для фантазий на исторические темы, и для гнусной угрозы.

Оглядываясь назад, постоянно встречаешься с подобными упоминаниями средневековых ужасов. В XIX веке идея страшных Средних веков имела особенную привлекательность для викторианцев, которые успешно подгоняли прошлое под свой эксцентричный вкус к неоготике и кошмару. Но идея восходит к еще более раннему времени, когда она повторялась под пером мыслителей эпохи Просвещения. В 1580-х годах пинать все средневековое было настолько общей модой, что английский антикварий Уильям Кэмден посчитал, будто может мимоходом миновать весь этот период в своем объемном, панорамном труде об английской истории, отделившись немногим больше, чем абзацем-другим. «Я намерен, — пишет он, — только дать вам почувствовать вкус Средних веков, которые были столь затенены густыми облаками или, скорее, густым туманом». Что впечатляет еще сильнее, сами средневековые авторы, кажется, стали первыми, кто концептуализировал свою эпоху как нечто находящееся посередине, между двумя более светлыми, более достойными восхищения историческими моментами. Итальянский поэт и писатель Франческо Петрарка говорит со смешанным чувством тоски и оптимистического воодушевления о той смене культурных приоритетов, которую он наблюдал

в XIV в Италии и которая, как он надеялся, может увлечь за собой вперед средневековый мир:

«Были времена счастливее, и, вероятно, они настанут вновь. Между ними, в наш век, ты видишь скопление низости и бед... Моя судьба — жить среди всевозможных смятений и бурь, но, возможно, для тебя, если ты надолго переживешь меня, чего я желаю и на что надеюсь, наступит лучшее время. Когда тьма рассеется, наших потомков озарит прежний чистый свет».

Подобный взгляд на Средние века, где бы он ни брал исток, вне всякого сомнения, ошибочен. Очистить средневековые реалии от таких искаженных воззрений — вот что было частью моей работы на протяжении десяти с лишним лет и что сейчас является одной из стержневых задач этой книги. Нам не следует относиться к далекому, как нам кажется, историческому периоду свысока лишь потому, что мы хотим чувствовать свое превосходство. Чтобы представить себе какую-либо сторону средневековой жизни в ее подлинном виде, нам лучше обращаться к тогдашней действительности, исходя из нее самой. Мы должны попытаться — что мы и сделаем дальше, насколько это в наших силах, — увидеть действительность такой, какой ее воспринимал наш французский знакомый, прежде чем его препарированное тело застыло на века. Или, точнее, целый ряд различных персонажей, которые один за другим окажутся в фокусе нашего внимания: врач, лечащий пациента в Равенне VI века; персидский поэт, пишущий эпические стихи в Азербайджане XII века; портниха, шьющая наряд в лондонском Ист-Энде XV века, и многие другие. За карикатурой мы должны усмотреть насущные подробности повседневной жизни. Или, в нашем случае, подробности жизни, смерти и искусства. И поступая так, мы неизменно обнаружим совсем иную историю, чем история отсталого, грязного Средневековья.

Где начало?

Итак, какую же была средневековая жизнь? Можно по-разному подступиться к ответу на данный вопрос. Зависит от времени и места, которые мы выберем для обзора на всем огромном пространственно-временном полотне Средних веков. Ведь это название из двух слов охватывает значительный период и целое множество народов, культур, регионов и географических карт.

У столь многокрасочной, сложной эпохи, по понятным причинам, нет отчетливого начала, и дата ее окончания тоже спорна. Официально часы Средневековья начинают бить с падением Римской империи, которая в предшествующие столетия господствовала над объединенными в ее составе европейскими, азиатскими и африканскими территориями. Получается, что Средние века разом наступили в 476 году н. э., когда король германцев Одоакр низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула, покончив с имперским владычеством над Европой. Но на самом деле уже немалое время империя пребывала в состоянии упадка. Мы могли бы точно так же говорить о Средневековье в начале V века, когда северные европейские племена стали постоянно пересекать Рейн, чтобы вторгаться в Италию. Или даже двумя веками ранее, когда чрезмерно разросшийся римский мир только начал страдать от политической неустойчивости и экономического спада. Но было бы трудно зафиксировать раннюю фазу Средневековья в один из этих моментов, за отсутствием надежных свидетельств: неповрежденными сохранилось мало сооружений или предметов, еще меньше — письменных источников, археологические находки скудны. Поэтому большая часть книги посвящена лучше документированным, позднейшим этапам средневековой истории. Однако и тут, даже в конце этой истории, источники не слишком многочисленны, и формальную дату завершения Средних веков так же трудно указать. Нельзя было заснуть в Средневековье, а наутро

проснуться в чем-то, уже больше похожем на Возрождение. Те новые веяния в мышлении, образе действий, искусстве, которые — как полагают — ознаменовали собой начавшуюся смену исторической парадигмы в Италии XIV века, лишь столетие спустя нашли отклик в Лондоне и Севилье, Тунисе и Иерусалиме. Около двух веков отделяют первых сознательных критиков Средневековья — вроде Петрарки — от деятельности таких титанов зрелого Ренессанса в XVI веке, как Микеланджело, Сервантес или Лютер, которые все еще жили в мире, проникнутом средневековым влиянием. Исторические изменения — это, в конце концов, то, что происходит с отдельными людьми, а не проносится одинаково над всеми странами за одно мгновение.

Тем не менее общее классическое наследие, бесспорно, связывает воедино средневековую историю всех регионов Средиземноморья, отделяя ее от параллельного до некоторой степени хода событий на Дальнем Востоке, в Индии, Китае, в Африке к югу от Сахары или в доколумбовой Америке. Вперед выступают три культуры, ставшие приемниками римского наследия, каждая из которых, если сравнивать с двумя другими, демонстрирует некоторые различия в самих тканях средневекового тела, которые я и хочу попробовать проследить.

Во-первых, это Византия, грекоязычная христианская империя, которая на пике своего развития охватывала Грецию, Балканы, Анатолию, северную Африку и большую часть Ближнего Востока. Византийцы считали себя не столько наследниками античного греко-римского мира, сколько прямыми продолжателями его традиций. Столицей Византии был Константинополь, запруженный толпами мегаполис, во всем блеске изысканной архитектуры и политического величия. Константинополь стал второй, восточной, столицей Римской империи в 330 году н. э., когда император Константин переименовал в собственную честь город, прежде известный как Византий. Византийские императоры в течение долгих столетий продолжали возводить свою власть к неумирающим римским корням

Константина, и хотя территория империи и ее влияние постепенно уменьшались, сам город перешел в руки оттоманских турок лишь на исходе Средних веков, в 1453 году, после тысячелетнего византийского правления.

Во-вторых, преемниками античного наследия были средневековые народы, жившие в Западной и Центральной Европе, от Скандинавии на севере до Италии на юге. Некоторые из этих народов нападали и на сам Рим. В отличие от единой империи на Востоке, Запад в раннем Средневековье был раздробленным. Начиная с V века там непрерывно менялись границы. Могущество переходило от одной из сталкивающихся между собой культурно-племенных групп к другой: между франками, англами, саксами, кельтами, викингами, вестготами, славянами, венграми, лангобардами, болгарами, аварами. Их королевства зависели в отношении своей политической легитимности от военных успехов, а в финансовом отношении — от вооруженного грабежа. Возможно, поэтому имена некоторых из этих народов превратились в современные ругательные слова: например, «вандалы» или «варвары» использовались в Средние века для обозначения конкретных культурно-племенных групп.

Но если оставить в стороне агрессивную политику, эти государства отнюдь не были населены нищими похитителями картофеля, как тот, что по щучьему велению появился во время опроса в лондонском музее. Усиленные союзом с римской церковью, эти государственные образования начали приблизительно с 800 года приобретать устойчивость, осуществлять продуманные усилия, направленные на то, чтобы поощрять образование и культуру по образцам Римской империи, которую они завоевали. Ко временам позднего Средневековья многие из них полностью упрочились как многосоставные национальные государства, чтобы сформировать костяк Европы в раннее Новое время и отсюда распространить свою власть на громадные колонизируемые пространства по всему миру.

Третьим и, возможно, самым неожиданным наследником Древнего Рима стал исламский мир. Поскольку мусульманские народы вышли из редконаселенной Аравийской пустыни в 630-е годы н. э., у них не было непосредственной географической связи с родными странами Константина, Юлия Цезаря или Платона. Но благодаря сочетанию политической власти и религиозной они могли с большой скоростью расширять свои владения. Их армии продвигались так быстро по прежним землям Византийской и Персидской империй, что через столетие или около того халифат (слово, производное от *халифа*, «преемник», как именовались следующие после Мухаммеда лидеры мусульман) включал в себя Иберийский полуостров, Северную Африку и большую часть Ближнего Востока, простираясь до нынешних Афганистана и Пакистана. Как и Западная Европа, халифат не был единым государством. Внутренние раздоры вылились вскоре в открытую гражданскую войну и привели к основанию нескольких соперничающих средневековых мусульманских монархий. Только в отличие от своих христианских соседей исламские народы были объединены общим языком, арабским, а подъем литературного движения с центром в Багдаде стал временем массовых переводов разнообразных древних книг на этот магометанский *lingua franca* («общий язык»).

Его придерживались переводчики с таких различных языков, как греческий, сирийский, персидский, санскрит и пехлеви. Исламский мир должен был прийти к почти неослабевающей напряженности с остальной Европой, особенно после начала в 1095 году Первого крестового похода ради освобождения святых мест Иерусалима. Однако — и в частности, в самую раннюю пору своей экспансии — мусульманские государства процветали благодаря религиозной и этнической терпимости, оставляя для многих народов на Западе партнерами по торгово-ремесленному и культурному обмену на всем протяжении Средних веков. Когда бы Средневековье ни началось, согласно нашему мне-

нию, или ни кончилось, ключ к пониманию эпохи как внутренне единой — это факт положительного взаимодействия между Византией, Европой и мусульманством, а не только их противостояния. Множество сложных культур были неразделимо связаны общим средиземноморским прошлым.

Мы — тысячу лет назад

И все же если бы вы или я могли перенестись на тысячу лет назад, в средневековое прошлое, то, при всей понятной нам логике общих римских начал, мы очутились бы в непривычной обстановке, сразу и разительно непохожей на нашу, но и странно знакомой.

Возможно, наиболее изумило бы нас безлюдие. С точки зрения демографии, средневековое народонаселение было значительно меньше нынешнего: грубо говоря, сейчас в одной Великобритании живет столько же людей, сколько в Средние века, вероятно, насчитывалось по всей Европе. Многие обитали в маленьких городках и деревнях, которые служили звеньями в цепи преимущественно аграрной экономики. Там нас встретила бы неожиданная тишина — в мире без реактивных самолетов и автотрасс. Но посети мы тогдашние крупные города, такие как Каир, Париж, Гранада или Венеция, в них, из-за кишачей уличной толчеи, оживленных рынков и сосредоточения жизни в целом, ощущение шума оказалось бы таким же, как и во многих современных. Население крупнейших городов могло достигать полумиллиона человек или даже большего числа. Они были центрами разветвленной политической власти, здесь скапливались представители многообразных ремесел и, позднее, университетски образованная интеллектуальная элита.

Присутствие религии знакомо нам и по современности, но в средневековой действительности она играла намного большую роль — роль, почти утраченную теперь. Я не говорю, будто (как иногда карикатурно изображают) христианство,

ислам или иудаизм были единственными темами разговоров. Хорошую аналогию представляет собой то, как мы думаем и говорим сейчас о науке. Мы не хлопаем друг друга по плечу на улице, чтобы поздравить с существованием гравитации, не выражаем непрестанно благодарность и почтение законам Ньютона, которые не дают нам слететь с поверхности Земли в космическое пространство. Наука — это просто основа нашего понимания мира, его прошлого, настоящего и будущего. Религиозное знание — библейская история Творения или повседневная возможность вмешательства Всемогущего в ход дел — являлось признанной частью средневекового взгляда на мир, но частью, обязательно поглощающей все прочие.

Конечно, когда я настаиваю на том, что мы неверно судим о Средних веках, я не отрицаю: реальность была во многих отношениях очень суровой. По нынешним стандартам, почти каждый в мире до начала XIX века, то есть до эпохи модерна, находился в условиях крайней бедности. Однако средневековые люди при этом знали: в плане образа и качества жизни мы все заложники судьбы, она может вознести нас или низвергнуть. На рисунке в испанской рукописи X века представлен образ Фортуны, римской богини судьбы, который также пользовался популярностью у средневековых моралистов.

Увенчанная короной и восседающая на престоле Царица Рока вращает свое колесо, поворачивая вверх и вниз расположенные вокруг него фигуры. На этом рисунке показаны пребывающие в распоряжении Фортуны короли. Одни из них поднимаются, тогда как другие падают вниз головой. Судьба каждого, движимого потоком времени, обозначена латинской надписью возле него: *regnabo* («я буду править»), *regno* («правлю»), *regnavi* («я правил»), *sum sine regno* («у меня нет царства»). Одно движение рычага — и все опять переменится. Но превратности участи были и реальностью обыденной жизни, а не специфически королевским